

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(37)

А. А. Бутин

Социально-исторические модусы пространства в сочинениях Корнелия Тацита. Часть I

Историческое пространство наряду с историческим временем является важнейшим атрибутом исторического повествования. Исследование данных категорий в исторических работах древности позволяет пролить свет на основы миропонимания представителей интеллектуальной элиты Древнего Мира.

Ключевые слова: Римская империя, Корнелий Тацит, историческое пространство, конструирование исторического пространства, модус исторического пространства.

А. А. Butin

Socio-Historical Moduses of Space in Works by Cornelius Tacitus. Part I

The historical space along with historical time is the major attribute of the historical narration. Research of the given categories in historical works of antiquity allows to light the outlook bases of representatives of the Ancient World intellectual elite.

Keywords: the Roman empire, Cornelius Tacitus, historical space, designing of the historical space, a modus of the historical space.

Историческое пространство как атрибут исторического повествования является способом локализации исторического события, явления, процесса в макространстве. Однако наряду с этой функцией в исторических сочинениях древности (в случае трактовки их как исторических источников) оно выполняет роль проводника важных характеристик картины мира автора рассматриваемого сочинения. В отличие от исследования концепта «время» (где речь идет об осмыслении времени в виду умозрительности данного феномена), при изучении концепта «пространство» мы имеем дело именно с процессом восприятия физически существующего атрибута бытия. В результате процесса восприятия пространства мифологическое мышление историка рисует картину мира, несущую в себе как черты коллективного сознания его эпохи, так и индивидуальные наслоения. Изучению этих индивидуальных наслоений и посвящено предлагаемое исследование.

Категория «историческое пространство» уже неоднократно попадала в проблемное поле исследователей картины мира человека древности. Восприятие пространства обитателями цивилизаций Древнего Ближнего Востока изучали И. П. Вейнберг и С. В. Бабкина. И. П. Вейнберг декларирует «лоскутное» восприятие пространства мифологическим сознанием, а также его предметную и событийную наполненность, ог-

раниченность, упорядоченность, качественную неоднородность, проявляющуюся в наличии в его восприятии бинарных оппозиций [5; 7]. Однако эти характеристики концепта «пространство» в картине мира человека древности И. П. Вейнберг распространяет только на массовое, народное сознание обитателей ближневосточных цивилизаций. Приведенные выводы он дополняет более поздним исследованием картины мира древневосточных историописцев [6].

В этой работе исследователь на материале широкой выборки исторических текстов, принадлежащих различным цивилизациям Древнего Ближнего Востока, проводит анализ мировосприятия их авторов. Историк констатирует демифологизацию историописцами природы (как неотъемлемой части пространства), что проявляется в смене взгляда на нее с позиции «я – ты» на позицию «я – оно», а также в укрепляющемся в их сознании факте лишения пространства какой-либо предметно-событийной наполненности. С одной стороны, историческое пространство в этих текстах – это место разворачивания божественных деяний, однако нередко встречаются сцены воздействия природы как значимого фактора исторического процесса без божественного участия. Более того, древневосточная историческая мысль, по мнению И. П. Вейнберга, признала необходимость человеческого воздействия на

природу, что, конечно, более характерно для античной мысли.

Предметом исследования С. В. Бабкиной стало сакральное и профанное время и пространство в библейских и кумранитских текстах [2]. Сакральное и профанное в ее концепции – это две реальности, сосуществующие рядом. Главный источник сакральности пространства – божественное присутствие: оно освящено либо пребыванием божества, либо его явлением. Сакральное пространство обладает свойствами локальности (это особая ограниченная территория, заряженная священной энергией, за границами которой все профанно) и мобильности (изначально профанное пространство возможно сакрализовать). Исследователь также подчеркивает иерархичность вертикального пространства. На фоне такого конструирования пространства в целом исторические пространство и время приобретают особый контекст. История есть история отношения человека с Богом, и в этом смысле историческое пространство становится полем реализации божественной воли. С. В. Бабкина прослеживает в текстах общины кумранитов роль идей «стана Израиля» и Иерусалима как Храма в качестве сакральных узловых пунктов макропространства картины мира иудеев.

Г. С. Кнабе и А. Ю. Ашкерова обратили внимание в своих исследованиях на восприятие пространства обитателями античной цивилизации. Г. С. Кнабе [8] отметил жесткое противопоставление римлян всему остальному миру, что нашло свое выражение в появлении представления о сакральности территории «вечного города». Взаимоотношения римлян с остальными народами историк характеризует как дуалистическое: это некий баланс между «римским шовинизмом» и «римским космополитизмом». Пространство, занимаемое «чужими», должно было быть завоевано и освоено, но, в то же время, известный мир необходимо было интегрировать, естественно, под главенством Рима. Пространство, следовательно, осмысливалось римлянами в геополитическом контексте. Именно этот дуализм и рациональный, геополитический взгляд на мир являлись основными принципами конструирования исторического пространства в трудах римских историков, как считает Г. С. Кнабе.

Понимание исторического пространства и времени как пространства и времени реализации геополитических интересов признал и А. Ю. Ашкерова, хотя в его трактовке данная проблема представлена в несколько ином ракур-

се. В своей статье, посвященной политическим времени и пространству Рима-полиса и Римской империи [1], он пытается выявить архитектуру данных атрибутов общественного бытия. В частности, характерной чертой политического пространства Империи выступает у него удаленность друг от друга людей, населяющих части необозримой державы, которая выражает идеал единого мира, находящегося в безраздельном правлении. Ментальной конструкцией исторического пространства эпохи Империи стала область необозримого, а основной мироустроительной оппозицией – «метрополия – провинции».

Итак, в историографии восприятия исторического пространства обитателями древних цивилизаций наблюдается признание тео- и антропоцентрических акцентов в качестве доминирующих в сознании человека Древнего Ближнего Востока. Система «человек – Бог» в контексте отправления царской власти фактически являлась определяющим принципом организации исторического пространства. В античности на главное место выходит система «человек – общность», размышления о социально-политических судьбах своего государства, укореняющиеся в контексте религиозного опыта. Такое изменение ориентиров во многом предопределило то, что многие историки являлись выходцами из ораторской среды, в которой социально-политическая тематика являлась доминирующей. Именно одним из таких выходцев был яркий римский историк периода ранней империи Корнелий Тацит.

Не вдаваясь в подробный источниковедческий анализ произведений Тацита [9], отметим лишь то, что основное их содержание является социально и политически направленным. Размышления об исторической роли Рима по отношению к окружающим народам, ломка старых республиканских устоев и торжество имперского режима, тенденциозные бравады о могуществе империи, переходящие в красочные описания упадка моральных устоев населения Рима, – таково содержание его текстов. Один из исследователей творчества этой яркой личности Г. Буасье [9, с. 240–241] заметил, что история была для древних римлян в большей мере риторическим произведением, поэтому Тацит мог широко использовать риторические приемы, искусно вводя в свое повествование тенденциозность. Однако историк, оставаясь носителем коллективных представлений о мире, с помощью этой тенденциозности имплицитно передает комплекс своих индивидуальных мироощущений, – которые яв-

ляются ключом к наиболее верному пониманию его эпохи и интерпретации его произведений.

Одним из первых это верное наблюдение продемонстрировал И. П. Вейнберг в уже упомянутой работе о древневосточных историописцах. Рассуждая о сущности пространственно-временных измерений исторического процесса, он сделал вывод о том, что воззрения историка на историческое пространство (и время) имеют три уровня: объективная пространственно-временная связь и обусловленность реальных событий и явлений, коллективное осмысление пространства и времени в соответствующей модели мира и индивидуально-субъективные ощущения пространства и времени при описании и интерпретации событий [6, с. 268]. В данной статье в центре внимания будут находиться именно индивидуальные ощущения пространства в сознании Тацита, но, вместе с тем, не представляется возможным полностью абстрагироваться от двух других уровней представлений об историческом пространстве, поэтому сначала обратим внимание на переосмысление Тацитом коллективных представлений о пространстве, а также на факторы, индивидуализирующие его восприятие.

Сознание Корнелия Тацита, очевидно, являлось исторически детерминированным, поэтому те или иные фрагменты пространства у него получают собственные оценки. Если коллективное римское сознание не знало образов исторического времени и пространства, то сознание Тацита – это сознание рефлексивно мыслящего историка, при этом остававшегося неотъемлемой частью римского социума.

Как неоднократно писали исследователи творчества Тацита, две главные линии его размышлений – это генезис Рима от республиканского строя к императорскому режиму и взаимоотношения римлян с другими народами. Внимание Тацита к этим сюжетам предопределило насыщение им пространства имперской семантикой. В частности, он проводит отождествление Римской империи со всем известным миром, о чем свидетельствует фраза "Dum hac totius orbis mutatione" («Пока весь мир претерпевал изменения...») [перевод приводимых в статье латинских цитат наш. – А. Б.] [15, III, 49], высказанная применительно к событиям внутри империи, происходивших далеко не на всей ее территории.

В конструировании Тацитом исторического пространства сказывается влияние реликтов его республиканского менталитета, в частности, это проявляется в том, что сегодня соотносят с кате-

горией «гендер». Выборка событий в произведениях Тацита состоит в основном из фактов военной и политической истории, что являлось пространством деятельности мужчин. В его эпоху в римском сознании, как видно из сетований Тацита на современные ему нравы, разделение пространства на «мужское» и «женское» перестает быть актуальным. «Недаром, – пишет он, – некогда было принято решение не возить с собой женщин ни к союзникам, ни к чужеземцам... из-за них римское войско уподобляется кочующей орде варваров» [10, III, 33]. Но в описываемую эпоху, как указывает историк в следующих за этими словами, женщины получили невиданную до того свободу: «Женщина распоряжалась боевыми учениями легионов», «в большей части преступлений бывают повинны жены» (Ibid.). В его собственном сознании, следовательно, осталось представление о «женском» пространстве: женщины теперь «норовят распоряжаться не только дома и на форуме, но и в войсках», модифицируя тем самым свои гендерные роли. Историк в том же месте отмечает, что римский военачальник Цецина предлагал сенату регламентировать поведение женщин в обществе в соответствии с традициями, но эта инициатива была отвергнута. В приведенных фрагментах чувствуется тяга Тацита к конструированию исторического пространства как мускулиной территории, однако гендерные сдвиги в обществе описываемой им эпохи не дают ему шансов превратить свою историю в историю одних лишь мужчин.

Тацит приводит свое отношение и к некоторым элементам универсума, в частности, по линии «центр – периферия». «Периферия» наделяется им следующими оценками: отдаленное пространство воспринимается им как «враждебное» – "Hostilibus circum litoribus" («вокруг враждебные берега»), Океан, омывавший «круг земной», кажется Тациту «яростным» (violentior cetero mari Oceanus – «Океан яростнее любого моря») [14, II, 24]. Подобные оценки пространства более характерны для народного сознания, однако Тацит, в отличие от большинства римлян, несколько скептически относится к подобному религиозно-фанатическому восприятию места «соприкосновения» земли и неба: "Sonum insuper emergentis audiri formasque equorum et radios capitis aspici persuasio adicit" («К слышащемуся шуму прибавляют вдобавок выплывающие формы коней и очертания головы, испускающей лучи») [16, 45]. В данной цитате нет и не может быть прямого отрицания существования богов – исто-

рик выражает лишь скепсис в отношении религиозных галлюцинаций народного сознания, демонстрируя более сдержанной и рациональной религиозность. Боги в его повествовании вмешиваются в повседневную жизнь римлян, как гражданских, так и военных: «Это они услали прочь римского полководца, и они же удерживают его войско на другом острове» [12, 15]. Божественное начало, таким образом, выступает у Тацита в качестве одного из факторов, влияющих на исторический процесс, но в плане оценки пространства историк не выходит за пределы признания (вслед за коллективным сознанием) сакральности того или иного его фрагмента [4] и зловещих оценок периферии известного римлянам мира.

Однако оппозиционный «периферии» «центр» мира – естественно, в его роли выступал в его сознании Рим – воспринимался им как первенствующая по значимости территория универсума. Именно «богам, – замечает Тацит, – было угодно, чтобы решение, что жаловать, а что отнимать, оставалось за римлянами [10, XIII, 56]. Таким образом, источник первенства Рима над миром – божественная воля. Но, несмотря на преисполненность идеей превосходства «вечного города», сцены из повседневной жизни римлян не вызывают у Тацита восхищения. С точки зрения уровня цивилизованности Рим для Тацита – это пространство порока, куда «отовсюду стекается все наиболее гнусное и постыдное, и где оно находит приверженцев» [10, XV, 44]. Следовательно, Рим воспринимался Тацитом дуалистично: в превосходной степени как «центр» мира», как доминирующая территория универсума, но с пессимистичным взглядом на образ жизни его обитателей.

Мир людей и мир природы противопоставляются Тацитом еще более кардинально, нежели это делало коллективное сознание. В одной из характеристик личности императора Вителлия историк намекает читателю на это: укрывшись в своем саду, он, «подобный бессмысленным животным, что, едва насытись, погружаются в оцепенение, не заботился ни о прошлом, ни о настоящем, ни о будущем» [13, III, 36]. Таким образом, человеческий социум у Тацита – это пространство разумного действия, пространство цивилизованности, в противоположность природе – пространству естественных законов. По сути, степень близости к первозданной природе является у него одним из критериев цивилизованности (или варварства) того или иного народа.

Тацит имел собственное восприятие в отношении некоторых образов пространства. В частности, в уста командиру одного из римских легионов Церялу Тацит вкладывает свои представления о государственном пространстве: "Octingentorum annorum fortuna disciplinaque compages" – «Порядок и сплоченность были нашей судьбой в течение восьмисот лет» [15, IV, 74]. Пространство, связанное с прошлым Римского государства, воспринимается историком как упорядоченное пространство осуществления политического действия, исполнения воли источника власти, сплоченности римского народа. Однако политическое пространство повествования Тацита – это пространство интриг и борьбы узкокорыстных интересов, не имеющих ничего общего с государственной пользой. Члены сената у него то «выражают лживую преданность», то «старательно разыгрывают смущение», но «в глубине души думают только о себе» [13, III, 37]. Обсуждения тех или иных вопросов в сенате в основном состоят из «длинных речей, полных взаимной ненависти» [13, IV, 7].

Обращает на себя внимание восприятие историком пространства войны. Тацит вкладывает в уста Муциана – одного из приближенных к императору – фразу, обращенную к Веспасиану: "Discrimen ac pericula as aequo partiemur" – «Угрозу и опасности мы разделим в равных долях» [15, II, 77]. Таким образом, военное пространство воспринималось Тацитом как пространство реализации Фатума – отрицательно оцениваемой, «плохой» судьбы. Враг на войне рассматривается им как *perfidus et ruptores pacis* («вероломный разрушитель мира»), которого нужно *ultioni et gloria mactandos* («принести в жертву мщению и славе») [14, II, 13]. Сакральное оправдание применения силы и интенция истребления противника, следовательно, – вторая черта восприятия Тацитом пространства войны.

Однако, если речь идет о гражданской войне, то оценки Тацита данного пространства весьма недвусмысленны. Например, он подробно описывает случай, произошедший в 69 г., когда в пылу борьбы войск двух претендентов на императорскую власть Антония и Вителлия после убийства отца сыном по армии «только и слышались возгласы удивления и ужаса, все проклинали безжалостную войну, и все-таки каждый с прежним остервенением убивал и грабил близких, родных и братьев, твердил, что это преступление, и снова совершал его» [13, III, 25]. Историка вводит в ужас лицемерие его современников. Война оправ-

дывается им только в том случае, если она ведется во славу Рима [13, III, 72], во всех остальных случаях военное пространство – это пространство убийства, грабежа, насилия и мародерства.

В восприятии пространства Тацитом прослеживаются тенденции антропоморфизации и поэтизации. Первое проявляется в его представлении о государстве как о едином теле (*rei publicae corpus*) [14, I, 12]. То же представление он передает с помощью отождествления законов, принимаемых в государстве, с лекарствами при лечении человеческого тела [14, III, 54]. Поэтизм Тацита при осмыслении им пространства прослеживается, например, в применении к колонии Форум Юлия (родина Агриколы, ныне Фрэнсис) эпитета *claustra maris* [10, III, 43] – «ворота морей» – тем самым важность этой колонии по геополитическим критериям подчеркивается историком метафорически. Использование такого рода метафор позволило Тациту выразить свои субъективные эмоции по поводу тех или иных фрагментов пространства, которое под его пером становилось историческим пространством.

Итак, конструирование исторического пространства в историческом сочинении находится под влиянием многих факторов, в том числе и коллективных представлений о пространстве. В структуре исторического пространства прослеживаются вкрапления других образов пространства. Однако концептуальность ему как самостоятельному измерению социального бытия придают собственные рефлексии историка над волнующими его общественно-политическими явлениями и процессами. Тема взаимоотношений римлян с остальными народами концептуализирует пространственное измерение исторического повествования Тацита, а тема генезиса Рима от республиканского строя к режиму империи – временное.

Кроме этого, в статье были отмечены факторы, индивидуализирующие восприятие пространства Тацитом. К их числу относятся реликты республиканского менталитета, выраженные в представлениях о гендерных ролях, а также личный ораторский опыт, характерные приемы которого явно прослеживаются в сочинениях Тацита. Имплицитный имперский пафос в сочетании с тяжелыми и глубокими переживаниями падения морального облика своих современников придало дуалистичный характер восприятия историком пространства Рима – «своего» пространства, о чем более подробно пойдет речь во второй части данной статьи.

Библиографический список

1. Ашкеров, А. Ю. Политическое пространство и политическое время в античности [Текст] / А. Ю. Ашкеров // Вестник МГУ. Сер. 12, Политические науки. – 2001. – № 2. – С. 27–41.
2. Бабкина, С. В. Сакральное и профанное время и пространство в Кумране [Текст] : дис. ... канд. ист. наук / С. В. Бабкина. – М., 2003.
3. Буасье, Г. Общественные настроения времен римских цезарей [Текст] / Г. Буасье. – Пг., 1915.
4. Бутин, А. А. Сакральное время и сакральное пространство в коллективном сознании римлян эпохи ранней империи (по произведениям Корнелия Тацита) [Текст] / А. А. Бутин // Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, теологии, образования: материалы конференции «Чтения Ушинского». – Ярославль, 2011. – С. 14–18.
5. Вейнберг, И. П. Пространство и время в модели мира ветхозаветного историописца [Текст] / И. П. Вейнберг // Народы Азии и Африки. – 1990. – № 6. – С. 76–84.
6. Вейнберг, И. П. Рождение истории. Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н. э. [Текст] / И. П. Вейнберг. – М., 1993.
7. Вейнберг, И. П. Человек в культуре Древнего Ближнего Востока [Текст] / И. П. Вейнберг. – М., 1986.
8. Кнабе, Г. С. Историческое пространство и историческое время в культуре Древнего Рима [Текст] / Г. С. Кнабе // Культура Древнего Рима. Т. II. – М., 1985. – С. 108–166.
9. Кнабе, Г. С. Корнелий Тацит (время, жизнь, книги) [Текст] / Г. С. Кнабе. – М., 1981.
10. Тацит. *Анналы* // Публий Корнелий Тацит. *Анналы. История* [Текст] / перев. с латинского А. С. Бобовича, редакторы перевода Я. М. Боровский и М. Е. Сергеенко. – М., 2005.
11. Тацит. *Германия* [Текст] // Корнелий Тацит. *Сочинения в двух томах. Т. 2: История* / перевод А. С. Бобовича, редактор перевода М. Е. Сергеенко. – СПб., 1993.
12. Тацит. *Жизнеописание Агриколы* [Текст] // Корнелий Тацит. *Сочинения в двух томах. Т. 2: История* / перевод А. С. Бобовича, редактор перевода М. Е. Сергеенко. – СПб., 1993.
13. Тацит. *История* // Публий Корнелий Тацит. *Анналы. История* [Текст] / перевод Г. С. Кнабе, редактор перевода М. Е. Грабарь-Пассек. – М., 2005.
14. C. Corneli Taciti. *Annalium* // C. Corneli Taciti. *Opera Quoad extant. Tomus I. Lipsiae, 1846.*
15. C. Corneli Taciti. *Historiarum* // C. Corneli Taciti. *Opera Quoad extant. Tomus II. Lipsiae, 1846.*
16. C. Corneli Taciti. *Germania* // C. Corneli Taciti. *Opera Quoad extant. Tomus II. Lipsiae, 1846.*